

Неоконченная повесть

Исполнилось 80 лет со дня рождения Сергея Бондарчука

Известия, — 2000. — 25 сент. — с. 6

Сегодня эта фигура в истории отечественного кино видится неким утесом. Могучим, молчаливым, трагически одиноким. Образ частично навеян его творчеством, где было и великое и ходульное, но всему он сумел передать свой масштаб и свою мощь, и частично — его личностью, тоже могучей и тоже молчаливой.

Известия, — 2000. — 25 сент. — с. 6

Валерий КИЧИН

До кино он прошел суровую жизненную школу, включая войну, во ВГИК явился серьез-

ным человеком. И в искусство вошел, во всем канонам, поздно. Поздно, но сильно: уже первая небольшая роль в «Молодой гвардии» обратила на него внимание, а первая большая — в

«Тарасе Шевченко» — сделала любимым.

Он с экрана излучал силу. Опять же молчаливую, внутреннюю. Глаза смотрели упрямо и выдавали волю.

Так получалось со всем, за что брался этот актер и режиссер. Поражал масштаб не только внешнего антуража и действия (батальных сцен, равных «Войне и миру», наше кино не знало, американцы дали мастеру «Ос-

кара»). Масштаб был прежде всего человеческий. Даже в прикованном к постели герое каменного фильма «Неоконченная повесть» чувствовались человеческая надежность и сила, какие в жизни встречаются нечасто.

Он играл Шекспира, Чехова и Толстого, снимал Толстого, Пушкина, Шолохова, он мечтал о Данте и Гоголе — его интересовали тектонические процессы истории и души.

«Судьба человека». Кадр из фильма

Рассказывает режиссер Игорь ТАЛАНКИН, работавший с Бондарчуком на фильмах «Сережа», «Отец Сергей», «Выбор цели»:

— Мы дружили почти полвека. Эта дружба для меня не оборвалась с его смертью. Настоящая, большая, глубокая дружба, равной которой в моей жизни больше нет. Он был человек удивительный. Замкнутый, немногословный — не любил распахивать душу даже близким. Это была фигура мощно одаренная, ренессансная. Кроме кино, занимался живописью, был по-человечески притягателен — вокруг всегда роились люди. Но только небольшой круг друзей знает, каким он был рассказчиком, каким обладал юмором и как тактично уметь прийти на помощь. Он уметь делать добро — легко и незаметно. Но точно так же уметь и не любить — был очень определенный как в приязни, так и в отторжении.

Между тем у него был бешеный темперамент — не случайно ему так легко дался Отелло. Такого излучения энергии — при внешней замкнутости — я больше не припомню ни в ком.

Он никогда не казался простым или простоватым, но только друзья знают, как блестяще он был образован. Даже невзгоды, которые многих ожесточали, в нем откладывались некими пластями, которыми он как художник потом мог пользоваться.

...А невзгод, вопреки репутации «официального художника», у него было много. Самый суровый удар судьба приберегла под занавес. Революционный вал начавшейся перестройки вместе с социалистическими бастилиями сметал официозное кино и «кино-генералов».

Потом перед Сергеем Бондарчуком извинились. Но было поздно.